

В. А. Гусев
Днепропетровск

«ВОСТОЧНЫЙ» ФАТАЛИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЛЕРМОНТОВА

Східна культура вплинула на творчість М. Лермонтова. Фаталістичний погляд на світ, що знайшов відбиття в ісламі, ясно виявився в «турецькій казці» «Ашик-Кериб», вірші «Валерик», романі «Герой нашего времени» та інших творах письменника. У монотеїстичних релігіях фаталізм постає як провіденціалізм, заснований на вірі у всемогутність і усезнання Бога. Однак фаталізм Лермонтова й героїв його поезії й прози християнській ідеї приречення не близький. Європейська культура містила в собі досвід фаталістичного світосприймання як форми подолання протиріччя зі світом і самим собою. Однак Лермонтов у вирішенні цієї проблеми використовує й іншу, східну ісламську традицію, у всякому разі, саме до неї він відсилає свого читача. Тема долі визначає логіку оповіді всього «Героя нашого часу». Печорин далекий від смиренності, але й він підлеглий якійсь надособистісній силі, прагне діяти, але не відчуває себе вільним. У трагічній роздвоєності цього героя, як і у всій творчості Лермонтова, відбивається стан російської культури, розвиток якої багато в чому визначався впливом двох протилежних начал – західного й східного, активно-особистісного й споглядально-пасивного.

Ключові слова: фаталізм, раціоналізм, воля, західна й східна культури.

Восточная культура оказала заметное влияние на творчество М. Лермонтова. Фаталистический взгляд на мир, нашедший отражение в исламе, ясно проявился в «турецкой сказке» «Ашик-Кериб», стихотворении «Валерик», романе «Герой нашего времени» и других произведениях писателя. В монотеистических религиях фаталізм предстает как провиденциализм, основанный на вере во всемогущество и всезнание Бога. Однако фаталізм Лермонтова и героев его поэзии и прозы христианской идее предопределения не близок. Европейская культура включала в себя опыт фаталистического мировосприятия как формы преодоления противоречия с миром и самим собой. Однако Лермонтов в решении этой проблемы использует и иную, восточную исламскую традицию, во всяком случае, именно к ней он отсылает своего читателя. Тема рока, судьбы определяет логику повествования всего «Героя нашего времени». Печорин чужд смирения, но и он подчинен какой-то надличностной силе, стремится действовать, но не чувствует себя свободным. В трагической раздвоенности этого героя, как и во всем творчестве Лермонтова, отражается состояние русской культуры, развитие которой во многом определялось воздействием двух противоположных начал – западного и восточного, активно-личностного и созерцательно-пасивного.

Ключевые слова: фаталізм, раціоналізм, свобода, западная и восточная культуры.

Ключевые слова: фаталізм, раціоналізм, свобода, западная и восточная культуры.

Eastern culture has had a significant influence on the creative work of M. Lermontov. Fatalistic view of the world, which was reflected in Islam, is clearly manifested in the "Turkish fairytale" "Ashik-Kerib", the poem "Valerik", the novel "A Hero of Our Time" and other works of the writer. We do not assert that fatalism, i.e., belief in the predetermined, inescapable destiny,

fate, and divine dispensation is characteristic only of Islam and is widespread only in the East. Fatalism is also common for Christianity (Augustinianism, Protestantism, Calvinism). In monotheistic religions fatalism appears as providentialism, based on the belief in the omnipotence and omniscience of God. However, fatalism of Lermontov and heroes of his poetry and prose is not close to the Christian idea of predestination. He linked fatalism with the oriental vision of the world and this was not accidently. That type of fatalism in which God predestined some people to salvation and others to the death before their birth, was particularly consistently demonstrated in Islam. Sufis even preached the idea of complete renunciation of free will, as the doings of the true believer do not depend on external conditions and are entirely specified by his relation to God. Not by chance the Quran states: "Verily, piety before God is obedience". Following God's will exclude fortuity. European culture included experience of the fatalistic view of the world as a form of overcoming conflicts with the world and within itself. However, Lermontov in solving this problem uses the other, the eastern Islamic tradition, in any case, he sends his reader to it. The theme of fate, destiny defines the logic of the narrative of the whole "A Hero of Our Time". Pechorin is a stranger to humility, but he obeys to some transpersonal power, he tends to act, but does not feel free. In the tragic duality of this hero, as in all the works of Lermontov, the status of Russian culture, the development of which is largely determined by the influence of two opposing principles – Western and Eastern, personal and active and passive contemplative, is reflected.

Keywords: *fatalism, rationalism, freedom, Western and Eastern cultures.*

Мотив фатальной предопределенности человеческой судьбы присутствует в творчестве М. Лермонтова и важен для понимания его мировосприятия, что неоднократно привлекало внимание исследователей [1, 4, 6, 8, 12, 15]. Пожалуй, наиболее категорично и сурово судил поэта за демонический фатализм Вл. Соловьев. Он полагал, что после нескольких бесплодных попыток «переменить жизненный путь, Лермонтов перестает бороться против демонических сил и находит окончательное решение жизненного вопроса в фатализме...» [14, с. 289]. Интересно о фатализме Лермонтова судил Д. Мережковский. Он полагал, что Лермонтов обладал совершенно особым «мистическим опытом», причем он «слишком ясно видел прошлую и недостаточно ясно будущую вечность», а категория причины, необходимости – в прошлом. «Вот почему у Лермонтова так поразительно сильно чувство вечной необходимости, чувство рока – фатализм. Все, что будет во времени, было в вечности; нет опасного, потому что нет случайного <...> Отсюда бесстрашие Лермонтова, игра его со смертью» [13, с. 105]. Особого рода фатализм в отношении к смерти, поручик Тенгинского пехотного полка Лермонтов проявил на Кавказе, в Чечне. Разумеется, Лермонтов не только воевал на Кавказе. Кавказская природа, восточный жизненный уклад оказали огромное влияние на его творчество. Он знакомится с преданиями народов Востока, их языком, фольклором.

Пожалуй, наиболее ярко восточное мировосприятие было воплощено в сказке «Ашик-Кериб», написанной Лермонтовым в ноябре 1837 года во время его пребывания на Кавказе. Подзаголовок «Турецкая сказка» указывает на ее «тюркское» происхождение. И. Андроников предположил, что лицом, передавшим Лермонтову сюжет дастана, был М. Ахундов. В лермонтовском пересказе не только сохранены черты разговорного языка рассказчика-азербайджанца, но и особенности мусульманского

мировидения, одна из особенностей которого, как считал писатель, – фатализм, что ясно проявляется в конце сказки и является своего рода итогом всего повествования. Завершающий эпизод прост и выразителен: богач Куршуд-бек обманом женится на невесте бедняка Ашик-Кериба, но в самый разгар свадебного пира появляется Ашик-Кериб, и невеста оказывается у него в объятиях. Брат Куршуд-бека кинулся на них с кинжалом, но Куршуд-бек останавливает его, говоря: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует» [10, т. 4, с. 274]. Убежденность в неизменности всего происходящего не только нашла отражение в «турецкой сказке», но и органично входит в лирику Лермонтова.

Фаталистический взгляд на мир, нашедший отражение в исламе, ясно проявился в стихотворении «Валерик» (1840):

Судьбе, как турок иль татарин,
За все я равно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Неволью сблизили... [10, т. 1, с. 479].

Начало стихотворения «Валерик» напоминает о финале «турецкой сказки» «Ашик-Кериб».

Мы не беремся утверждать, что фатализм, т. е. вера в predetermined, неотвратимую судьбу, рок, божий промысел характерен только для ислама и распространен только на Востоке. Фатализма не чуждо и христианство (августинизм, протестантизм, кальвинизм). В монотеистических религиях фатализм предстает как провиденциализм, основанный на вере во всемогущество и всезнание Бога. Однако А. Бродский полагает, что фатализм Лермонтова христианской идее predetermined не близок. «Во-первых, это фатализм внешних событий, а не внутренних решений человека. <...> Во-вторых, predetermined у Лермонтова лишено какой-либо теологии, не имеет никаких высших целей; судьба олицетворяет здесь не Промысел Божий, а скорее Фортуны карточной игры. <...> Таким образом, фатализм Лермонтова – это фатализм языческий, стоический» [2, с. 31–32]. Пожалуй, это суждение слишком категорично, некая теологичность все же присуща тому пониманию фатализма, которое мы находим в «Герое нашего времени». Сам Лермонтов связывал фатализм именно с восточным мировидением, и связывал не случайно. Несомненно, теологический фатализм, согласно которому Бог еще до рождения predetermined одних людей к спасению, а других – к гибели, получил особенно последовательное выражение в исламе. Суфии даже проповедовали идею полного отречения от свободы воли, поскольку поступки правоверного не зависят от внешних условий и полностью обусловлены его отношением к Богу. Не случайно в Коране утверждается:

«Истинно, благочестие перед Богом есть покорность» [7, с. 95]. Следование воле божьей исключает случайность.

Европейская культура включала в себя опыт фаталистического мировосприятия как формы преодоления противоречия с миром, действительностью и самим собой. Рационалистический фатализм в чистом виде характерен для Демокрита, Гобса, Спинозы и представителей механистического детерминизма. Однако Лермонтов в решении этой проблемы использует и иную, восточную исламскую традицию, во всяком случае, именно к ней он отсылает своего читателя. Тема рока, судьбы определяет логику повествования всего «Героя нашего времени» (1840). Она начинает звучать уже в первой части романа – «Бэла». Характеризуя Печорина, Максим Максимыч говорит: «Ведь есть, право, этакие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи!» [10, т. 4, с. 462]. Написано на роду, т. е. предопределено свыше и от личных устремлений не зависит.

Печорин действует обдуманно, взвешивая каждый свой шаг, стремясь предугадать ответную реакцию других людей, однако события приобретают в конце концов какой-то иной, не предвиденный Печориным оборот. Скажем, он чувствует, что любовь «дикарки» так же скучна, как любовь светской дамы, И не случайно, при всей своей поведенческой активности, в конце первой части романа («Тамань») Печорин размышляет о неисповедимости судьбы, которая распорядилась им, как и другими людьми, без объяснений, не раскрывая сути промысла: «Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и как камень едва сам не пошел ко дну» [10, т. 4, с. 355]. При всей своей жажде деятельности Печорин ощущает собственную подчиненность фатуму, и не только в ситуации с «честными» контрабандистами. Так разрешается и его конфликт с Грушницким. Логикой событий Грушницкий оказывается жертвой, а Печорин – убийцей. И здесь Печорин не волен в выборе поступка. По его словам, он не раз «играл роль топора в руке судьбы» [10, т. 4, с. 438]. Это подтверждают все основные сюжетные коллизии романа. Но кто же орудует камнем или топором? Кто несет зло? Оно возникает как бы само собой, обусловленное самим строем жизни, характером отношений между людьми и, по-видимому, какой-то иной, высшей силой. Невольно у читателя должна возникнуть мысль о зависимости человека от провидения, замыслы которого ему недоступны. И неспроста сравнивает себя Печорин с неодушевленным камнем или топором, которым самим выбирать свою жертву не дано.

Завершает роман глава «Фаталист», центральной для которой является проблема предопределенности человеческой судьбы. Здесь фаталистические представления прямо связываются с верованием ислама. Офицеры за карточной игрой рассуждали о том, что «мусульманское

поверье, будто бы судьба человека написана на небесах, находит и между нами, христианами, многих поклонников; каждый разные необыкновенные случаи pro или contra» [10, т. 4, с. 462]. Прямого ответа за или против мы в этой главе не найдем. Печорин рассуждает о случившемся с Вуличем. Возвращаясь домой пустынными переулками станицы, он решает: «...не знаю, верю ли я теперь предопределению или нет, по в этот вечер я ему твердо верил: доказательство было разительным...» [10, т. 4, с. 469]. Утром Печорин оказывается у хаты, где засел казак, зарубивший ночью Вулича, слышит диалог, в котором ясно звучит тема судьбы, предопределенности.

– Согрешил, брат Ефимыч, – сказал есаул, – так уж делать нечего, покорись.

– Не покорюсь, – отвечал казак.

– Побойся бога... Ну уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь.

– Не покорюсь! – закричал казак грозно, и слышно было, как щелкнул взведенный курок [10, т. 4, с. 472].

Казак, так же как и Печорин, не желает покориться судьбе и так же бессилен перед нею. Как и Печорин, он мог бы сказать о себе, что он топор, то есть сабля в ее руках. Печорин не хочет покориться ни людям, ни обстоятельствам. Он, подобно Вуличу, стремится «испытать судьбу» [10, т. 4, с. 473] и обезоруживает казака. «После всего этого как бы, кажется, не сделаться фаталистом!» [10, т. 4, с. 473] – спрашивает он себя. Вулич должен умереть, и он гибнет, зарубленный пьяным казаком; Печорину суждено иное, и пуля, выпущенная из пистолета того же казака, только сорвала с его плеча эполет. Казалось бы, результат «испытания» достаточно убедительный, Но если существует предопределение, то зачем же Печорин просит поставить у двери хаты трех казаков и отвлечь убийцу разговором, перед тем как решается прыгнуть в окно? Этот эпизод отмечает Н.Долинина и делает вывод: «В том-то и дело, что Печорин не отдается судьбе, а вступает в ней в борьбу <...> он, может быть и фаталист? но фаталист странный, который не смиряется с предопределением, а идет наперекор ему...» [5, с. 183–184]. Но может ли быть трезвый расчет залогом успеха в этой борьбе? Видимо, нет. Конечно, Печорин не торопится стать фаталистом. Он привык сомневаться во всем и уже в конце «Фаталиста» обращается к Максиму Максимычу, чтобы узнать его «мнение насчет предопределения» [10, т. 4, с. 474]. Максим Максимыч, при всей нелюбви к отвлеченным рассуждениям и непонимании значения слова «предопределение», высказывается, тем не менее, достаточно определенно: «Да, жаль беднягу... – говорит он о Вуличе. – Черт же дернул его ночью с пьяным разговаривать!.. Впрочем, видно, уж так у него на роду написано было...» [10, т. 4, с. 473]. Это мнение старого кавказского служаки является еще одним «за» в пользу фаталистического мировидения. Знаменательно, что это суждение Максима Максимыча никак не комментируется Печориным. Последняя запись в его «Журнале», являющаяся и финалом

романа, не может быть итоговой: «Больше я от него ничего не мог добиться: он вообще не любил метафизических, прений» [10, т. 4, с. 474]. Добавить к сказанному нечего и незачем далее длить спор о том, что плохо укладывается в привычные понятия и представления. И Лермонтов, так же как и Максим Максимыч, ничего более пояснять не хочет и так завершает свой роман. Романтическая поэтика недоговоренности и таинственности здесь как нельзя более соответствует обсуждаемому вопросу, который по самой своей сути не может быть исчерпан до конца.

В последней главе романа ясно звучат две темы: тема игры и предопределения. Жизнь представляется драмой, а человек в этой драме – то игроком, то игрушкой. Печорин стремится быть игроком, бросающим вызов судьбе, но чувствует, что, по сути дела, его судьба определяется не им, что даже в своих внутренних побуждениях он не волен. Между тем игрок всегда активен, он получает карту и делает свой ход. Но выигрыш определяется не только умением и волей играющего, но и удачей, случаем, везением, т. е. теми неизвестными, которые и делают игру игрой. Утверждение Печорина: «...Я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает» [10, т. 4, с. 474] – по сути дела, не отменяет непредсказуемости удачи, непобедимость случая, т. е. той силы, которая неподвластна воле личности. Другое дело, что герой и в самом деле не боится вступить в единоборство с судьбой: «Ведь хуже смерти ничего не случится – а смерти не минуешь!» [10, т. 4, с. 474]. Но вот вопрос: отрицание это или признание фатализма? Если и отрицание, то не вполне. В основе раздвоения сознания Печорина лежит несоответствие всей его жизни предназначению, которое от него скрыто. Отсюда и его фатализм, парадоксально дополненный скептицизмом. Об этой двойственности характера Печорина писал Ю. Лотман. Исследователь заметил, что, «сомневаясь во всем», герой Лермонтова выступает как «истинный сын западной цивилизации» [11, с. 9]. И вместе с тем Печорин «не человек Запада – он человек русской послепетровской европейской культуры, и акцент здесь может перемещаться со слова “европеизированной” на слово “русской”. Это определяет противоречивость его характера и, в частности, его восприимчивость, способность в определенные моменты быть “человеком Востока”, совмещать в себе несовместимые культурные модели» [10, с. 9]. Но почему же и Лермонтов, и его персонаж толкуют о восточном фатализме? Видимо, потому, что для Лермонтова, как и для многих русских, Восток входил в личный опыт, был ближе и понятней, чем Европа.

Как же соотносится фатализм, о котором толкуют Печорин и Максим Максимыч, с восточным мировидением? Во всяком случае, рассуждения Максима Максимыча о предопределенности судьбы, звучащие в начале и в конце романа, могут показаться вполне русскими. В этой связи С. Дурылин приводит целый ряд русских народных пословиц («От судьбы не уйдешь», «Судьба руки вяжет» и др.) [6, с. 622]. Однако нет ли восточного в «чисто

русском»? Характеризуя героя очерка «Кавказец» (1840), очень близкого по своему жизненному опыту Максиму Максимычу, Лермонтов отмечал: «Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; склонности к обычаям восточным берут над ним перевес, но он стыдится ее при посторонних...» [10, т. 4, с. 475]. Стало быть, и фатализм «кавказца» отмечен восточным влиянием. Большинство писавших и пишущих о русском национальном сознании отмечали характерное для него подчинение личностного начала надличностному. Поэтому к русской мировоззренческой модели органично прививался восточный фатализм. С другой стороны, западная культурная традиция утверждает самоценность человеческой индивидуальности, безусловное право личности на ее активное самоутверждение. Характер и мировидение Печорина, конечно же, сложнее и противоречивее, чем у Максима Максимыча. Печорину по своему близка как европейская, так и восточная традиция, потому и фатализм его непоследователен, а поступки противоречивы. Истинным фаталистом следовало бы назвать старого «кавказца» Максима Максимовича. О его пассивном фатализме писал еще Ап. Григорьев, полагавший, что особая гармоничность этого героя куплена ценой покорности обстоятельствам и проявилась в том смирении, «которое легко обращается у нас из высокого в баранье» [3, с. 96]. Говоря о «Христовом смирении сынов божьих» и мнимохристианском смирении, Д. Мережковский также заметил: «Кажется, чего другого, а смирения, всяческого – и доброго, и злого – в России довольно» [13, с. 93]. В творчестве Лермонтова он находил как «чувство вечной необходимости», так и «действенное начало», которое должно уравновесить пассивную созерцательность.

Печорин чужд смирения, но и он, как мы отмечали, подчинен какой-то надличностной силе, стремится действовать, но не чувствует себя свободным. В трагической раздвоенности этого героя, как и во всем творчестве Лермонтова, отражается состояние русской культуры, развитие которой во многом определялось воздействием двух противоположных начал – западного и восточного, активно-личностного и созерцательно-пассивного.

Библиографические ссылки

1. Андроников И. Л. Лермонтов: Исследования и находки. – 4-е изд. / И. Л. Андроников – М.: Худож. лит., 1977. – 647 с.
2. Бродский А. И. Фатализм и повествовательное искусство (О М. Ю. Лермонтове) / А. И. Бродский // Вече. Альманах русской философии и культуры. – 2009. – № 20. – С. 26–36.
3. Григорьев Ап. Лермонтов и его направление. Собр. соч. Вып. 7. / Ап. Григорьев. – М., 1915.
4. Гудкова А. А. Принцип соотношения личности художника и контекста эпохи в историко-культурном исследовании / А. А. Гудкова // Выбор метода изучения культуры России 1990-х годов: сб. науч. статей; [сост. и науч. ред. Г. И. Зверева]. – М.: РГГУ, 2001. – С. 123–129.

5. Долинина Н. Печорин и наше время. Эссе / Н. Долинина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 327 с.
6. Дурылин С. Н. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова / С. Н. Дурылин. – М.: Учпедгиз, 1940. – 256 с.
7. Коран. Перевод с арабского языка Г. С. Саблукова. – Т. 1, гл. 3. – М.: Совместное предприятие Дом Бируни, 1990. – 572 с.
8. Кривошапова С. А. Концепция демократического героя в творчестве М. Ю. Лермонтова / Стелла Анатольевна Кривошапова. – К.: Наук. думка, 1987. – 94 с.
9. Лапин В. Армия России на Кавказе: Приватизация войны / В. Лапин // Нов. лит. обозрение. № 93. – 2008. – С. 180–195.
10. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х т. – М. –Л., 1959.
11. Лотман Ю. М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова / Ю. М. Лотман // Лермонтовский сборник. – Л.: Наука, 1985. – С. 5–22.
12. Мануйлов В. А. Комментарии / В. А. Мануйлов, О. В. Миллер // Лермонтов М. Ю. герой нашего времени. – СПб.: Академический проект., 1996. – С. 193–368.
13. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. Вопросы лит. 1989, № 10. – С. 98–112.
14. Соловьев В. С. Литературная критика / В. С. Соловьев. – М.: Современник, 1990. – 422 с.
15. Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове / Б. М. Эйхенбаум. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 372 с.

Надійшла до редколегії 30 березня 2014 р.